Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 зр. 20 кр. чвртр. 1 зр. 10 кр. на мѣсяцы 4 зр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъ ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 35 Львовъ, 24 Серпня 1856. РОКЪ XI.

КОРОЛЕДВРОСКАЯ РУКОПИСЬ

III. ЯРОСЛАВЪ.

(Продолженіе)

„Братья на гору!" Внеславъ воскликнетъ,
Въ щитъ изъ серебра мечемъ ударитъ,
И взнесетъ хоругвь надъ головою.
Всѣ взмужались, всѣ Татаръ напали,
Всѣ въ одинъ разъ сильно ся сразили,
И, якъ поломень съ земли, продерлись
Изъ Татаръ премножества ко холмку.
Вспять идучи на холмъ восхолили,
На подхолмьи въ ширь ся розступили,
Къ споду острой гранью ся съузили,
Въ право, въ лѣво щиты ся покрыли,
А на рамо клали быстры копья
Други первымъ, такъ и другимъ третьи.
Мраки стрѣлъ летѣли на поганьца.
Въ томъ ночь темна скрыла всю землицу,
Скрыла всю землицу, оболоки,
И заперла люто роспаленны
Христіанамъ и Татарамъ взоры.
Межъ тѣмъ въ той густой тмѣ Христіане
Вколь горы насыпали окопы.

Коль на всходѣ утро починало,
Весь ся вороговъ воздвигнулъ таборъ,
Таборъ страшный наоколо холмка
Ажъ до недозримого далека.

На коняхъ Татаре уганали,
Въ Христіански головы впихали
Пики, и въ станъ Ханскій относили.
Въ томъ въ едну случатся многи силы,
И стремятся къ сторонѣ единой;
Прытко мчатся до горы на холмикъ,
И вопіютъ крикомъ такъ страшливымъ,
Що ся долъ и горы отзываютъ.

Христіане двинулись на насыпь,
Божья Матерь имъ силы додавала,
И напяли всѣ тугіи луки,
И махнули всѣ мечами сильно,
И назадъ Татаре отступили.

Розъярился людъ Татарскій люто,
Возмутился Ханъ ихъ гнѣвомъ круто,
Розступился таборъ весь въ три пруды,
И въ три пруды на холмъ гонитъ люто.
Въ томъ скотили Христіане тихо
Двадесять колодъ, и всѣ колоды
На самъ край окоповъ привалили.

Ужъ Татаре на окопы гнали,
Крикомъ ажъ подъ облаки ревучи,
Ужъ окопы роскидати яли;
Въ томъ свалились съ пасыпи колоды,
Мнутъ, якъ червячковъ, Татаръ поганыхъ,
И сипе гнетутъ ихъ на ровнинѣ.
Долго, круто битва продолжалась,
Ажъ ей темна ночь конецъ сдѣлала.
Но, мой Боже! Онъ Внеславъ преславный
Съ насыпи упалъ стрѣлой сраженный!

Жаль тоскливе розрываетъ сердце,
Люта жажда смажитъ всѣхъ утробы,
И языкъ съ травипи лижетъ росу.
Вечеръ переходитъ въ ночь холодну,
Ночь ся измѣняетъ въ утро сѣре,
А въ Татарскомъ таборѣ все тихо.

Розгорѣлся день передъ полуднемъ,
Христіане съ жажды упадаютъ,
Спраженны уста всѣ отворяютъ,

Къ Божьей Матери поютъ храпливо,
Къ ней омлѣлы взоры обертаютъ,
Въ жалости жестокой ломятъ руки,
И съ тугою зрятъ съ земли на небо.

„Невозможно дальше жажду снести,
Невозможно въ жаждѣ воевати;
Кто здоровья, живота желаетъ,
Да Татаръ о милость упрашаетъ."
Такъ одни; а други говорили:
„Отъ меча смерть лучша нежъ отъ жажды!"
Къ нимъ Вестонъ воскликнетъ: „Хоть въ полони,
Будемъ воду пити! Гей за мною,
Кто такъ мыслитъ, кто имѣетъ жажду!"

(К. с.)

Третяя выпись съ записокъ второго путешествія съ Рима въ Іерусалимъ совершенного гр. священникомъ каѳ. церкви Ипполитомъ Терлецкимъ —

ОДИНЪ ДЕНЬ ВЪ ЇЕРꙊСАЛИМѢ.

Было постановлено въ пѧтницꙋ 5. октѧбрѧ, а 17. по численїю латинскомꙋ, обшествїемъ внѣ города посѣтити гдѣ нѣкоторыи старинны помѧнники. Ранёнько пошелъ ꙗ слꙋжити св. литꙋргїю до церкви созданной на томъ мѣстцѣ, гдѣ воины римского старосты Пилата оубичевали Господа Їисꙋса Христа. Надлежитъ она до Латинцевъ, есть пространнаѧ и имѣетъ пѧть олтарей; огороженна со всѣхъ сторонъ высокою каменною стѣною, къ которой низенькїи и маленькїи двери входѧтъ на подворье церкви. За первого моего пꙋтешествїѧ была здѣсь маленькаѧ лишь каплица, теперь ею сбольшили и опорѧдили. Тꙋтъ началась достопамѧтнаѧ страстнаѧ дорога, которою шествовалъ Їисꙋсъ Христосъ отъ дворца Пилатового (гдѣ божественный сꙋдїѧ осꙋжденъ былъ на презрительнꙋю казнь распатїѧ на крестъ) до лобной горы, гдѣ совершилъ премилосерднꙋю божественнꙋю жертвꙋ за весь родъ человѣческїй. Ибо съ дрꙋгой стороны оулицы на противъ сей церкви былъ колись дворецъ Пилатовъ, розрꙋшенный послѣ, когда весь городъ разорилсѧ; теперь правительство тꙋрецкое сдѣлало тамъ казармꙋ длѧ солдатовъ.

Совершившемꙋ мнѣ свѧтꙋю литꙋргїю, пришли до сей церкви по прежнемꙋ оусловїю Г. де Барреръ, консꙋль францꙋзскїй съ Г. Форбенъ де Жансонъ и двома свѧщенниками латинскими, — всѣ дрꙋжина нынѣшнаго пꙋтешествїѧ. По обычаю кавасы (тꙋрецкїи Пандꙋры) предшествовали Г. консꙋлю. Отъ дворца Пилатового пꙋть, идꙋщїй къ востокꙋ, ведетъ недалеко овечей кꙋпели до воротъ св: Стефана. Сими вышедши съ града подлѣ камена, гдѣ сей первомꙋченникъ пострадалъ Христа ради, спꙋстились мы въ долинꙋ Їосафатовꙋ, а перешедши мостъ на сꙋхомъ теперь Кедронѣ, достигнꙋли до сада Гедсиманїи. Тамъ въ печерѣ, гдѣ Спаситель предвидѧ болестныѧ страсти и смерть свою, да нашꙋ страшнꙋю неблагодарность, потилсѧ кровавымъ потомъ и молилъ Отца своего небесного: „Отче аще волиши мимонести чашꙋ сїю отъ мене: обаче не моѧ волѧ, но твоѧ да бꙋдетъ —" (Лꙋк. гл. 22 ст. 42 — 43) присꙋтствовали мы св. литꙋргїи, совершаемой однимъ свѧщенникомъ латинскимъ съ нашей дрꙋжины. Сїѧ пространна печера сохранила свой давнѣйшїй видъ, есть несообразною и имѣетъ два олтари. Отъ нѣсколькихъ лѣтъ Отцы Францискане исключительно ею держащїи, оукрасили ею, положили каменный полъ и побѣлили часть скалы; но мнѣ далеко милѣйшею она была въ своей давнѣйшей природной

простотѣ, такъ якъ ею я видѣлъ за первого моего путешествія.

Близенько отъ печеры есть подземная церковь гроба пресвятой Богородицы. Пятьдесять досыть гарныхъ степеней вводятъ до ней. Греки и Армяне не кадолики держатъ ею исключительно, а Мусульмане имѣютъ лишь одинъ кутокъ, гдѣ приносятъ и складаютъ свои обѣты; бо и они хотя бусурмане сохраняютъ великую честь для пресв. дѣвы Маріи. По преданію св. Отцевъ здѣсь было похоронено тѣло пресв. Богородицы. но коли св. Ѳома веденъ любопытною честію отчинилъ гробъ, Апостолы оузрили лишь оубогую одежду сей Царицы славы; бо тѣло ея оуже Ангелы перенесли съ славою на небеса. Подлѣ степеней вводящихъ въ церковь находятся невеличкіи двѣ печеры будьто ниши; въ одной изъ нихъ о десную сходовъ суть гробницы святыхъ Іоакима и Анны, родителей пресв. дѣвы, въ другой же о шуюю гробъ св. Іосифа обручника. Церковь сама пространная обернена къ востоку. Передъ иконостасомъ есть скала, въ которой былъ выкованный гробъ пресв. Богородицы, на которомъ Христіане сдѣлали олтарь. Кромѣ сихъ двохъ олтарей есть еще тутъ много иныхъ подлѣ стѣнъ то греческихъ то арманскихъ. Вся церковь есть темною, бо не переходитъ къ ню другое свѣтло изъ внѣ, кромѣ сего, что сквозь двери. Сія темность мѣстця, сей гробъ смиренной дѣвы, возвышенной по надъ всѣ лики небесны, заступницы и прибѣжища Христіанъ, — вливаетъ здѣсь въ душу человѣка якое то неизреченное, изряднѣйшее чувство богобѣйности.

Оставивши церковь свернулися мы къ югу. Недаленько есть сіе мѣстце, которое теперь путешественники называютъ обыкновенно садомъ Геодсиманскимъ, хотя въ старинѣ имя сіе на всю окрестность ростягалось. Тутъ находятся славныи очень старинны дерева оливныи, которы якъ розсказуютъ памятаютъ еще времена Іисуса Христа. Есть ихъ восемь, чрезвычайная грубость ихъ пней, широко роспространенныя вѣтви, высокость возраста и иныи знаки свидѣтельствуютъ о ихъ древности. Окруженны суть они каменною стѣною и принадлежатъ О. Францисканамъ. Теперь садокъ сей гарно есть оудержанный, — содѣлали стежки, насадили цвѣтовъ, такъ что сердце восхищается вида слѣдъ житія на сей великой путовлѣ. Съ сухихъ вѣтвъ, которыя обтинаются, дѣлаютъ монахи кресгики и пацьорки молебны; сіи послѣднія выдѣлываютъ также съ песток оливокъ, съ которыхъ вытискаютъ оливу, и все тое роздаютъ и продаютъ яко найсвятѣйшія памятки съ Іерусалима.

(П. с.)

Утро и день.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженіе).

Мовь чародѣйнымъ чиномъ принесъ онъ свою любу жену отъ скромныхъ комнатъ Пракседы въ оустроенный салонъ, самой же єннѣ, пріученной на работны оуслуги прилучилъ онъ модну служанку именемъ Жанетту. Добродушная Анна тѣшилась съ начала изъ причины своей свободы, и своего теперешнаго оудобнѣйшаго житія, и якось умѣла подъ провидѣніемъ божіимъ и между тѣми блистающими знаменіями невожеланной суеты неповрежденну душу сохранити, бо се позасланяла

она дѣтскою нѣжностію великіи зеркала своихъ комнатъ легкою завѣсою, дабы и-но не прельститися тѣмъ обманчивымъ вѣстникомъ земной красоты, а коли ей мѫжъ вопросилъ ею о причинѫ такого дѣ-ланіа, то извинялася такимъ то порохомъ могѫчимъ повредити краснымъ зеркаломъ, или такими тамъ паѵками просмыкающими-ся по стѣнѣ; — ковры драгоцѣнныи по-стеленны на землѣ посвивала она въ свя-зокъ и кинѫла гдѣсь въ оуголъ шафы съ извиненіемъ, яко Жанетта и неловкая кѫ-харка топтаютъ немилосердно по нихъ; — свои дорогіи шелковыи оукоры, полѫченныи отъ Оттона завѣсила на колокъ, дабы тамъ ожидали Воскресеніа и зеленыхъ Святъ; — словомъ молодая Госпожа Россъ вѣдала такъ маневровати, що ей дерзкая слѫжанка, цѣлкомъ излишнею бы-ла при такомъ господарствѣ!

Якъ прежде такъ отличалася Анна и теперь примѣрнымъ богобѣніемъ и еже-дневнымъ посѣщаніемъ церкви; . . . но се пріобрѣла она въ якой то Амаліи, при-верженной обожательцѣ шалѣющей моды — дивнымъ слѫчаемъ свою подрѫжкѫ, ко-торая, бѫдучи совершенно изъѫченною въ льстивой обманчивости, вѣдала неопытнѫ Аннѫ неизбѣжно въ свои прелестныи сѣти оуловити. — Бѣдна сиротка, не знаючи, якъ себѣ въ великомъ свѣтѣ постѫпити, обзиралася чрезъ нѣкое время съ волнѫ-ющеюся грѫдію за подрѫжкою, и нашла ею въ пѫстый Амаліи, но на свое несчастіе!

Тая то загорѣла дѣвчина, зазнавши разъ на вечерней забавѣ въ сосѣдствѣ молодѫю Россъ, и оудостовѣрившися о до-бродѫшныхъ ей стремленіяхъ якъ и о не маломъ ей имѣніи, прилѣпилася неот-рывно до ней и присиживала по цѣлыхъ дняхъ оу оуединенной Анны. Съ начала старалася она молодой женщины благово-леніе совершенно на свою сторонѫ скло-нити, а когда ей тое оудалось, начала ею водити по всѣхъ пигникахъ, по балахъ городскихъ, и хотя благородна Анна и-ногда опиралася тѣмъ житейскимъ оуве-селеніямъ твердою рѣшительностію, то сей-часъ стала истощатися пѫста Амалія о своей истинной дрѫжеской склонности къ ней и прѣмѣтила, що если такъ непрі-ятнымъ есть для Анны присѫтствіе и совѣсъ ей подрѫжки, то залишитъ той домъ на всегда, и не схочетъ даже зна-ти, що сѫществѫетъ якая то Анна.

Такими оуговорками притягнѫла Ама-лія свою жертвѫ цѣлкомъ на свою сто-ронѫ, цѣо щожъ? молодый Россъ, хотя любилъ свою сѫпрѫгѫ, однакожъ не могъ преломити свой злый обычай, и не разъ, якъ закрѫтился междѫ своими гѫляющи-ми товаришами, то и запомнѫлъ на свою Аннѫ, и не видѣлъ ею по цѣлыхъ дняхъ! Про тое если загрозила ей Амалія, що ею оставитъ на всегда, тогда возмѫтило-ся до крайности сѫмное сердце сироты, и лѫчше возжелала она якой бѫдь подрѫж-ки держатися, нежели сидѣти оуединенною по цѣлыхъ дняхъ въ своей комнатѣ.

Отже такъ сосокѫпилось неприродною силою, ниже подъ покровительствомъ не-беснымъ тое дрѫжество, и только враж-дебныи обстоятельстви перемогли Аннѫ до воспріятія такъ лихой подрѫжки. —

. . . .

Въ первыхъ дняхъ Февраріа сидѣлъ расточительный Отто въ своей комнатѣ — самъ одинъ, ибо Анна пошла была пе-редъ часомъ до Амаліи въ томъ самомъ домѣ обитающей, и читаючи листъ поч-тою къ себѣ присланъ, кидалъ онъ съ рѣдкою любопытностію временемъ свой

взоръ на хорошій золотый нашейникъ въ ящикꙋ лежащій и на красный образъ, представляющій его прабабкꙋ. Тотъ нашейникъ и тотъ образъ надосланъ былъ отъ одной старенькой его родственницы. Коли тая вѣрная старꙋшка при смерти старого Росса оузрѣла, якъ цѣлое имѣніе тогожъ раздраблается, и своемꙋ любимцꙋ Оттонꙋ мало що лишается, коли всѣ женскіи оуборы имѣли достатися въ рꙋки Ванды, сохранила оучтивая родственница въ томъ домашнемъ нерадѣніи золотый нашейникъ и образъ, и врꙋчила теперь тіи сокровища истинномꙋ владѣтелю, скоро отъ него довѣдалась, що оженился, съ тѣмъ примѣчаніемъ, дабы онъ своей женѣ тотъ нашейникъ подарилъ. „Есть-то памятникъ по твоей прабабцѣ, достойной вельможи," писала она, „ бабка и мати твоя не носили тотъ старинный нашейникъ, но сохранали его только памяти ради. Прабабка же могла онымъ сокровищемъ наражатися, понеже была по первомъ мꙋжꙋ графинею, по печальныхъ же приключеніяхъ рꙋманилась оуже ей дочь въ томъ господскомъ оуборѣ явитися, тѣмъ меньше мати твоя. Томꙋ сохраняй и ты тое сокровище яко велѣпный памятникъ твоихъ дѣдовъ, и да перейдетъ онъ отъ рода въ родъ. — Бывай здоровъ!" —

Всталъ отъ стола, и взявши тотъ женскій оуборъ въ рꙋки, оусмѣхался оудовольствіемъ и дꙋмалъ себѣ, якая то радость бꙋдетъ для Анны, если онъ нечаянно своей сꙋпрꙋзѣ въ день ей оуродинъ сей нашейникъ подаритъ — про тое хотѣлъ онъ тое сокровище до оного часа предъ очима Анны сохранити, дабы тѣмъ большее оудовольствіе ей сдѣлати. — Еще не могъ свое вниманіе отъ нашейника отвратити, якъ наразъ ктось въ дверь застꙋчалъ; . . . . но прежде нежели онъ возмогъ той оуборъ сохранити, вошла въ комнатꙋ изꙋмленного Оттона — Госпожа Дꙋмовичъ, его тетка!

Бꙋдьто електрическимъ оударомъ пораженъ ниспꙋстилъ Отто невольно нашейникъ на землю, и вклепивши свои великіи очи въ нечаянного гостя, стоялъ якъ статꙋя, и былъ бы долго въ томъ видѣ стоялъ, если бы дѣдичка не пробꙋдила его изъ той остолбенѣлой недвижимости.

„Витайте любый братаниче! Ай! ай! сердечный мой Отто надѣялбы ся скорьше возстанія изъ гроба своего покойного отца, нежели такъ неожиданного посѣщенія своей непріязненной Тетки. Но чего смотрите такъ тревожно на мене? вотъ приближитеся до мене, да оуцѣлꙋю въ гожемъ молодцѣ оного милого хлопчака, который не разъ на моемъ нѣдрѣ бавился!" проговоривала Госпожа Дꙋмовичъ льстиво солодкимъ голосомъ, подходячи къ близости Оттона.

— „Тетко! кій демонъ велѣлъ вамъ въ слѣды моего оазрꙋшенного счастія ити, и мене вашимъ враждебнымъ видомъ оуязвляти? Не довольно-ли вамъ на томъ тріꙋмфѣ, що вы цѣлое мое наслѣдствіе хитрымъ искꙋствомъ поглотили?!"

„Оуспокойтеся любый братаниче! ибо не наша хитрость, но воля послѣдняя вашего оумирающего отца была томꙋ виноватою. А въ прочемъ, всевышній Богъ наказалъ нашꙋ несмысленность въ полной мѣрѣ и оуничижилъ страшенно нашꙋ надменность!" сказала дѣдичка съ оуниженіемъ.

— „Якто? и вы тетко возмогли даже и надѣятися въ такомъ изобиліи

свирѣпого оудара судьбы?" вопросилъ магкодушный Отто.

„Отже видите! несчастіе надѣятися не хотѣла я, но за тое вкусила я терпкій овощъ въ оужасной горести!"

— „Прошу, сѣдайте себѣ оудодобнѣйше, и скажите точно ваше злоприключеніе!"

„Вѣдаете добре, якое было наше домашнее нерадѣніе, которому грозило отчаянное банкрутство, вѣдаете и тое, якъ лихій духъ мнѣ очи помрачилъ, и мене въ несогласіе съ моимъ мужемъ ввелъ. При томъ замѣшательствѣ возрасталъ нашъ Филипъ якъ въ дикомъ лѣсѣ, и не помнилъ ни найменьше о своей будущей судьбѣ. Не за долго наслѣдилъ онъ нечаянно доволно великое имѣніе, которое Вамъ выдертое было, — но щожъ? — тое то имѣніе причинилось до нашей погибели вмѣсто намъ помочи, а его самого ввергло оно въ неизбѣжиму пропасть жестокого бѣдствія, — Получивши бо оное наслѣдство поѣхалъ несчастный сынъ на цѣлый годъ до Варшавы! . . . . . Пріѣзжаетъ на Рождество домой къ нетерпѣливо ожидаючимъ его родичамъ, и привѣтствуетъ насъ тою новостью, що хочетъ въ Варшавѣ съ одною богатою бароновною женитися, и проситъ о наше благословеніе къ той цѣли. — Розумѣется, що къ такъ счастливой женитьбѣ не могли мы розогненному Филипу препятствовати, и поблагословивши его, возжелали мы вѣтренному молодцу благополучіе въ далекій путь. . . . Якъ ластовка ожидаетъ весны, такъ мы воззирали въ синю даль по цѣлыхъ мѣсяцахъ на прибытіе милого сына и новой благородной дочери. — Наконецъ пріѣхалъ Филипъ съ своею женою, но о злобо! о проклята доле! вмѣсто честну супругу въ нашъ домъ ввести, вводитъ онъ не бароновну... но о Боже — вводитъ онъ акторку — акторку вытертого чела и развращенныхъ нравовъ! — Понимайте себѣ нашу нужду, коли нова дочь моя яко Амазонка по цѣлыхъ днахъ на конахъ охотилася, разъ въ мужескомъ оуборѣ, вторый разъ въ комедіантскомъ женскомъ платьи. Сопровождаема своимъ мужемъ и тѣмже лакеемъ — Филипомъ! А щобы мое разодранное сердце совершенно сокрушити, помчалася нова пара до Парижа, . . . понеже акторцѣ сельска жизнь наскучилась. И отъ того времени минуло два лѣтъ, а о моемъ Филипѣ и о его женѣ не имѣю я несчастна нѣякой вѣсти! Но на такое строгое наказаніе божіе заслужила я, и отчаянною болѣзнею сердца признаюся, що я сама, — я нерадѣющая матерь виновною есмь передъ Богомъ о безчинствіи моего сына!" . . .

И заслонила оуниженна дѣдичка руками лице и горько выплакала предъ Оттономъ — предъ тою жертвою Филипа свое печальное внутреннее волненіе. Но на томъ не конецъ! Съ слезами въ очахъ стала она еще больше себе обвинати, изъявляючи, яко она теперь съ мужемъ и дѣтьми есть бездомною бродягою, бо заимодавцы заграбили цѣлое, банкрутствомъ оутраченное село.

„Вы были прежде невольнымъ добродѣемъ моего Филипа, изволите же теперь быти благороднымъ опекуномъ бездомныхъ нищихъ, и прійметъ насъ на якое время въ вашъ сельскій домъ; а оумѣстившися только въ половинѣ тогожъ — будемъ Вашими пожизненными привержен-цами: а дѣти мои малыи будутъ въ Васъ чтити своего избавителя отъ пребыванія

подъ голымъ небомъ!" . . . .

— „Любаѧ тетко! вы всколебали мене своимъ несчастїемъ въ самой глꙋбинѣ дꙋши моей, — и если бы пришло теперь и последнимъ могꙋществомъ съ Вами подѣлитись, радо сдѣлалбы ѧ тое и на тихое движенїе Вашей воли! Но вотъ! ѧ есмь женатый, и на веснꙋ хочꙋ съ моею сꙋпрꙋгою на село отправитись обитанїѧ ради; про тое долженъ есмь о мнѣнїе моей любезной Анны вопросити, соглаеитсѧ-ли она на мое предложенїе, или нѣтъ!?"

„О мой Боже! що ѧ слышꙋ! вы имѣете оуже сꙋпрꙋгꙋ!" вопросила оудивленнаѧ тетка.

— „Имѣю благодарити Бога, и Вы о томъ не знали! Но ѧ не оудивлѧюсь, понеже наше бракосочетанїе отбылось довольно въ молчанїи, и еще не оуплыли двѣ седмицы, отъ нашего сожитїѧ!"

„Вы женаты! и котора женщина была счастливою Ваше сердце оуѧзвити? Гдѣ она есть? да въ ней мою родственницꙋ привѣтствꙋю!" говорила восторженнаѧ дѣдичка.

— „Прошꙋ ино короткое времѧ терпѣливо пождати, и возможете совершенно придивитисѧ моей женѣ, во истинꙋ и безъ оувеличенїѧ сказати, есть," она одною изъ первыхъ красавицъ города!"

„Счастливый братаниче? то тотъ красный нашейникъ принадлежитъ сꙋпрꙋзѣ Вашей, если не ошибаюсь? вопросила дрожащимъ голосомъ дѣдичка, и влѣпила свой пробꙋжденный лꙋкавый взоръ въ золотый оуборъ, — и не могла больше ни слова промовити скоро оуслышала, що тотъ нашейникъ принадлежитъ женѣ Оттона, ико онъ былъ то тѣмъ драгоцѣннымъ сокровищемъ, за нимже прежде пышнаѧ дѣдичка съ такою жаждою бажала, и о которомъ мнѣла, що онъ оу Ванды находитсѧ, когда тотже оу своего истинного владѣтелѧ ѧкимъ тамъ чꙋдомъ находитсѧ.

— „А чемꙋ Вы, люба тетко! Такъ внезапно оумолкли. Видно що Вы тотъ нашейникъ прежде оу когось замѣтили? вопросилъ Отто. скрываючи оный нашейникъ и образъ въ свой столикъ пꙋлпитовый.

— „Ничь, ничь! счастливаѧ Ваша достойна сꙋпрꙋга, оудостоившаѧсѧ такъ старинного сокровища;" — болтала возмꙋщенна дѣдичка.

Не скончала еще тѣхъ словъ, ѧкъ дверь отворилась, и гожаѧ Анна, съ сїѧющимъ ѧкъ день лицемъ въ комнатꙋ вошла.

— „Вотъ видите, люба тетко мою возлюбленнꙋ женꙋ!" „Имѣешь предъ собою, дорога Анно! Госпожꙋ Дꙋмовичъ, дѣдичкꙋ и мою теткꙋ!" толковалъ спокойно Отто. . . . .

Мовь громомъ пораженна встрепенꙋлась дѣдичка, — и кидаючи остолбенѣлый взоръ на оудивленнꙋ Аннꙋ, не могла въ смꙋтныхъ мыслахъ становища найти, но внимала только, ѧкъ ей дꙋшевны силы помрачались и несогласно возмꙋтились. Едва могла еще приближитись до кресла съ порꙋчьемъ, ѧкъ въ оужасный обморокъ впала, — зачѣмъ предъ ей дꙋшею оскорбленїе вдовицы, разодраннаѧ лилїеваѧ сꙋкманка и кровь проливающаѧсѧ изъ ноги на землю свирѣпо присꙋвались . . . .

Сматенна Анна не смогла съ начала себѣ сїе посѣщенїе враждебной дѣдички изъѧснити, и въ страшенной сомнительности скиталсѧ ей оумъ, но когда дѣдичка омлѣла, когда Отто тревожливо около несчастной шаталсѧ, запомнꙋла благодарнаѧ Анна о давныхъ обидахъ, и

сгибаючи свои колѣна, приклонилась до болѣзненного гостя, — и вмѣсто трїумфальнымъ удовольствїемъ на уничтоженного ворога смотрѣти, старалась оная сиротка свою прежню госпожу въ жизнь изъ обморока привести. —

И также чувствительно скончалась тая сцена, коли дѣдичка очи съ тревогою отворила, и свою давну жертву съ услужливымъ попеченїемъ около себе занату узрѣла! — Еще долго не могла дѣдичка до присутствїя духа прїйти, лежала на креслѣ якъ колода недвижима, а коли изумленный Отто, незнаючи нїяку причину того злоприключенїя, тетку зъ умиленїемъ ободрялъ, — шептала несчастная: „Ахъ! дѣти-же мои, — дѣти бѣдныи! васъ ожидаетъ послѣдна нужда при палицѣ жебрака, — вы не имѣете даже мѣста, гдѣбы головку въ тишинѣ притулити. . . . . О! я вашею убїйцею есмь!" . . .

Возмутилась еще больше Анна, яко не вѣдала, въ якомъ смыслѣ тїи слова взяти. Но якъ Отто въ короткости ей цѣлое дѣло изъяснилъ, и о принятїе нужной родственницы въ сельскїй домокъ жену упрашалъ, — прослезилась она до живого, и сказала въ благодарномъ движенїи:

„ О нѣтъ! нѣтъ! моя достойная госпоже и родственницо! Вашимъ дѣточкамъ суть отворенны сердечнымъ радованїемъ всѣ комнаты дворца моего мужа, — а Вы моя госпоже! изволите надъ нашимъ малымъ имѣнїемъ повелѣвати!"... (П. с,)

ЛЬВОВЪ 23. Серпня. (4. Вересня.) Подаемъ почт. читателямъ нашимъ премилую вѣсть, которая неотмѣнно каждое русское, горѣ стремящееся сердце возрадуетъ и къ ревному дѣланію въ благоспасительной гадцѣ ободритъ. Выше наведенного дня отбылося благословеніе усовершенной, о трехъ поверхахъ стоящей южной части дома народного, гдѣ теперь на первомъ и другомъ ярусѣ умѣщенна есть русская взорова школа. По кончившейся литургіи въ городской церкви Успенія прес. Богородицы, спѣваемой ВП. крыл. Г. Ижакомъ, Преосвященный Архіерей Іоаннъ прибыли до дому народного, и благоволили чинъ сей усовершити. Обрядъ благословенія отправлено въ одномъ къ тому устроенномъ залѣ зданія, а присутствующими гостьми были всѣ крылошане обр. гр. каѳ., члены коммиссіи завѣдывающей дѣламы дома народного и второй городской церкви, и русская молодежь въ семъ зданіи воспитающаяся съ своими учителями. По усовершеніи благословенія дома, Его Преосвященство слезами радости прослезившись вѣкопомными словами:" Да благословитъ Богъ всевышній домъ сей и труждающихся въ немъ," — сердца всѣхъ собравшихся глубоко тронулъ. Итакъ нынѣ гадка о созиданіи дома народного, искреннимъ народолюбцемъ вверженна въ плодовитую ниву русскихъ сердецъ, уже воплощается и приноситъ свои плоды; нынѣ народный домъ, тотъ по словамъ нашего ученого русского, драгоцѣнный памятникъ, непоколебимый столбъ нашего народного отрожденія, завѣтъ лучшей будущности, сосредоточіе и олицетвореніе всѣхъ силъ матеріальныхъ, нравственныхъ и умственныхъ Русина, — хотя по части лишь созданъ приноситъ яко живый капиталъ ежегодно отсотки на 3000 р. ср., русская молодежь обучается въ немъ благополезнымъ свѣдѣніямъ. О любимыи братья! кто надъ симъ всѣмъ призадумается, тотъ велегласно воздастъ должную честь и славу упомянутой комиссіи про ея ревную и неусыпающу дѣятельность, и лучно увидитъ въ томъ пору̀ку и поощреніе, чтобъ и мы въ роспочатомъ дѣлѣ не унывали, но всегда въ нашихъ усиліяхъ преспѣвали; а Всевышній воздающій благая покрѣпитъ насъ и увѣнчитъ благоуспѣшно наши дѣла!

Н. К—ій

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.